
Религиозный туризм в Казахстане: история и современные проблемы

Нуртазина Н.Д.,

*к.и.н., доцент Казахского Национального
университета имени аль-Фараби,
nazira_n@rambler.ru*

На основе исторических и этнографических источников, новейшей литературы и полевых исследований автора рассматривается проблема религиозного туризма в истории Казахстана на примере традиций и ритуалов, связанных с паломничеством в г. Туркестан. Концептуально автор исходит из идеи регионального ислама, обоснованного российским исламоведом С.М. Прозоровым. Раскрываются история исламизации Казахстана, роль суфизма, становление культа Ахмеда Ясави и его содержание, правила паломничества к мавзолею Ясави и другим святыням Южного Казахстана, традиции и инновации, связанные с эволюцией религиозных взглядов, а также современные тенденции в возрождении суфийской традиции.

Ключевые слова: ислам, региональный ислам, суфизм, культ святых, номады, паломничество (зиарат), ханака (центр суфизма), обычаи и обряды.

Relying on historic and ethnographic sources, modern literature and her on-site research, the author looks into religious tourism in Kazakhstan's history on traditions and rituals accompanying pilgrimage to the town of Turkestan. Conceptually the author is based on the idea of regional Islam substantiated by

S.M. Prozorov, a Russian Islam Researcher. The article unveils Kazakhstan Islamization history, the role of Sufism, Akhmed Yassavi's cult development and contents, the rules of pilgrimage to Yassavi's mausoleum and other sacred sites of Sothern Kazakhstan, traditions and innovations connected with the religious views evolution and the modern trends in Sufism tradition revival.

Key words: Islam, regional Islam, Sufism, saints' cult, nomads, pilgrimage (Ziyarah), khanqa (Sufism centre), customs and ceremonies.

Территория современного Казахстана стала периферией исламской цивилизации с IX—X вв. Объективно этот процесс был активизирован возникновением по соседству с тюркскими княжествами того времени могущественного мусульманского государства Центральной Азии — Саманидского эмирата с центром в Бухаре. Династия Саманидов, по происхождению таджикская, активно поддерживала культуру и науку (достаточно назвать имена ученых Бируни, Ибн Сины, теолога Аль-Бухари и других звезд средневековой центральноазиатской культуры), а также суфийское миссионерство на периферии *Дар уль ислама* («Мира ислама»). В государстве Саманидов получил

распространение суннитский ислам ханафитского толка, хотя встречались и представители других направлений, а также группы иноверцев (христиан, иудаистов, буддистов, зороастрийцев). Суфизм как мистико-аскетическое течение в исламе переживал в ту пору свой расцвет. Несмотря на некоторые отличия его интерпретации религии от ортодоксального ислама, суфизм тогда мирно сосуществовал с другими течениями, а в определенных аспектах религиозной жизни занимал первенствующие позиции. Среди факторов исламизации важное место занимала международная торговля по Великому Шелковому пути.

И все же коренной перелом в мировоззрении языческих тюркских племен Казахстана произошел благодаря прозелитизму центральноазиатских суфийских братств. Как отмечал в своих трудах академик В.В. Бартольд, тюрки-кочевники Казахстана стали мусульманами благодаря проповедям дервишей (суфиев). При этом они становились личными почитателями суфийских шейхов, в которых видели чудотворцев и заступников [1]. Именно данное обстоятельство вызывает особый интерес с точки зрения специфики религиозного сознания и культовой практики тюрков Центральной Азии в эпоху средневековья, в частности, традиции «зиарата» — паломничества к могилам святых.

Широко распространено мнение о том, что центральноазиатский ислам, особенно ислам у кочевых казахов, имел такую особенность, как культ святых. Однако мы не стали бы видеть в этой особенности (и даже в реликтах доисламских верований) нечто уникальное, что отличало бы Казахстан от других периферийных регионов ислама, да и вообще что-то «провинциальное». Дело в том, что среди оседлых народов Ближнего Востока, Северной Африки или Ирана почитание святых и связанные с ним поверья имели не меньшую популярность. Лишь в более поздние времена в главных центрах ислама благодаря произошедшей там своеобразной мусульманской Реформации культ святых был нанесен серьезный удар.

Вообще, на наш взгляд, наивная вера в чудеса, обращение к святым заступникам — это характерная черта массового религиозного сознания Средневековья, и наблюдаются они в лоне каждой монотеистической религии, будь то ислам или христианство. Так, на Руси массы верующих не имели церковной грамотности и восприятие ими православия было весьма поверхностным, непосредственным; большую роль играла идея заступничества Богородицы, святых и т.д.

Культ туркестанского святого Ясави. В эпоху Средневековья в Казахстане, да и в масштабе всей Центральной Азии сформировался культ суфийского шейха Ходжи Ахмеда Ясави, жившего в XII в. в эпоху Караханидского государства в Южном Казахстане, а именно в городе Яссы (нынешний г. Туркестан) и по легенде достигшего необычайно высоких ступеней духовного самосовершенствования. Для понимания генезиса этого культа важно отметить, что в суфизме допускается возможность заступничества святых (живых и мертвых), получения от них благодати («барака»). Нормативный ислам, опирающийся на букву Корана, считает большим грехом придание Всевышнему «сотоваришей» («ширк») и призывание на помощь «аруахов» («рух» — с арабского «дух»). Множественное число этого слова — аруах). Вместе с тем, либеральный толк ислама, распространившийся в Центральной Азии (*ханафизм*), был все же довольно терпим к народным обычаям и суфизму. Практику зиарата частично оправдывало и то, что в Хадисах пророка Мухаммеда посещение могил предков, родителей, великих людей с целью поминания их, чтения Корана во имя спасения их душ (но не призыва их к помощи) описывается как богоугодное дело.

Наверное, не случайным было появление великого подвижника в Южном Казахстане, на берегах Сырдарьи. Расположенные в долине Сырдарьи города Сайрам и Яссы-Туркестан издавна были важными пунктами на Великом Шелковом пути, через который шел оживленный обмен товарами между

кочевой степью и среднеазиатскими оазисами. Это было местом, где встречались и духовно обменивались между собой тюрки и иранцы (таджики), представители оседло-земледельческой и кочевнической культур. Сырдарьинский регион Казахстана считается уникальным в плане своей духовной традиции, приверженности суфизму. Не случайно по народной этимологии само название реки «Сыр-дарья», что в переводе с казахского означает «река тайн» (от арабского «*сирр*» — тайна, сокровенное) произошло якобы от того, что на ее берегах часто уединялись и вели свои тайные беседы дервиши-суфии.

Здесь, в Сырдарьинском регионе, в окрестностях города Сайрам (в письменных источниках той эпохи называемый Исфиджабом), в семье потомственного суфийского шейха Ибрахима родился Ахмед Ясави (год рождения точно неизвестен. Дата смерти — 1166 г.). Немаловажно и то, что Ясави был выходцем из сословия *ходжей*, которые согласно своим родословным ведут происхождение от арабов-миссионеров, а элитарные их группы — от потомков пророка Мухаммеда — его дочери Фатимы и зятя (и будущего халифа) Али. Как отмечали русские краеведы XIX в., паломники со всех частей Казахстана ехали в Туркестан не только для поклонения праху Ясави, не меньшее значение имела возможность увидеть там живых *ходжей* — носителей религиозного знания и благочестия. *Ходжи* пользовались большим авторитетом в Центральной Азии, специализируясь в таких областях, как религия, суфизм, просвещение. Хотя ученые не отрицают арабского происхождения центральноазиатских *ходжей*, однако ясно, что их ни в коем случае нельзя называть арабами, так как столетиями *ходжи* тюркизировались и глубоко интегрировались в структуры местных тюркских этносов, стали неотъемлемой частью казахов, узбеков, туркмен и других народов. Несмотря на некоторую обособленность, они все же вступали в браки с представительницами местных родов и племен. Поэ-

тому Ахмеда Ясави справедливо называют тюркским проповедником и поэтом.

В биографии Ясави еще много «темного», она полуполюгенная. Тем не менее ученым удалось реконструировать основные ее вехи. Как и у большинства великих людей, в жизни Ахмеда Ясави было много лишений и страданий, как-то: раннее сиротство, бедность, утрата единственного сына, особенно — злая молва, непризнание его духовных достоинств, о чем он намекает в своем произведении «Диуан-и Хикмет» («Собрание мудрости»). Кстати, в советское время для того, чтобы хоть как-то «оправдать» место Ясави в истории культуры, ученые делали искусственный акцент на его поэтическом «творчестве», хотя в суфизме поэзия обычно была подчинена мистике и лишь служила средством ее выражения.

Ахмед получил хорошее мусульманское образование, но по природе был склонен не к учености, а именно к созерцательным упражнениям, медитации и мистике. Поэтому он был рано приобщен к тайнам суфизма практиковал его суровые религиозные упражнения, много размышлял об Истине и т.д. Духовными учителями его были полумифическая личность — *Арыстан-баб*, мавзолее которого в Южно-Казахстанской области также является объектом паломничества. Исторически более реальной и менее спорной является личность другого учителя Ясави — бухарского ученого и суфия *Юсуфа Хамадани* [2]. Заслужив высшей оценки своего учителя, Ясави возвращается из Бухары в свои края и поселяется навсегда в Яссы.

В годы жизни в Яссы (отсюда его *нисба*, т.е. имя — Ясави) суфий достигает «просветления», т.е. — как это утверждается во всех религиях — высшего духовного опыта, некоей близости к Богу, стяжания Святого Духа (если применить христианскую терминологию). О сложных путях своего восхождения, аскезе, искушениях, покаянии, мистических видениях Ясави повествует в своих мистических стихах. А. Ясави изобрел особую методику достижения транс, технику дыхания и богопомятия (гром-

кий «зикр»), в которой исследователи видят элементы шаманской практики тюрков. В конце концов он стал популярным, создал свою школу «Путь» (по арабски — «тарика»).

До нас дошли имена некоторых учеников Ахмеда Ясави, также ставших святыми, — шейхи Сулейман Бақыргани, Мансур Ата, Исмаил Ата, Мухаммад Данишманд и др. А самое главное, как отмечал замечательный знаток культуры Центральной Азии М.Е. Массон, Ахмед Ясави стал проповедником ислама для новообращенных кочевых и полукочевых тюркских племен к северу от Сырдарьи и получил от них почетное прозвище «ата» («отец») [3]. Вероятно, речь идет об организации широкомасштабной пропаганды мусульманской религии, т.е. миссионерской деятельности силами многочисленных учеников-дервишей, которые в духе суфийского учения должны были быть самоотверженными, когда дело касалось духовного просвещения язычников. Это считалось в высшей степени богоугодным делом, служением Всевышнему. При этом суфии обучали массы тюркских кочевников обычному исламскому шариату, лишь с незначительными вкраплениями суфийских идей и принципов (сразу вовлечь в суфизм новичков было невозможным и даже запретным).

Таким образом, Ахмед Ясави и его школа сыграли решающую роль в исламизации Казахстана. Хотя это четко не прослеживается по историческим источникам, но народная традиция утверждает данный тезис безоговорочно. Отношение к Ясави правителей при его жизни было, по-видимому, противоречивым. В отличие от умеренных суфиев, общенных к светской науке и даже политике, Ясави представлял собой тип крайне отрешенного (особенно к концу своей жизни) и экстатического аскета, часто впадавшего в транс и т.д. Это накладывало отпечаток на характер его взаимоотношений со светской элитой, с богачами и ханами, которых он не мог принять всей душой. И все же согласно традиции его посещали и получали благословения правители Караханидского государства. Позже общину суфиев «Яса-

вийа» поддерживали и приносили богатые пожертвования представители династий Сельджуков, Хорезмшахов, правители Казахского ханства.

Можно сказать, что в региональной истории, особенно в истории казахов, Ясави является той «изюминкой», которая придает местному исламу этнический и локальный колорит. Величественный мавзолей А. Ясави, вокруг которого главным образом и вращалась веками духовная жизнь местных народов, позволяет говорить о самостоятельном региональном мусульманском центре. Имя Ясави в казахской традиции прочно ассоциировалось со святостью, высшими нравственными ценностями мусульманской религии, с неиссякаемым источником благодати, приобщиться к которому можно через усвоение его наследия, посещение места его упокоения или даже прикосновение к его главной книге «Диуан-и Хикмет», написанной на старотюркском языке и представляющей собой сборник религиозно-мистических стихов весьма туманного содержания. В годы становления государственной независимости Казахстана (после 1991 г.) лидеры страны и интеллигенция широко использовали имя Ясави и святыню Туркестана в целях духовно-патриотического воспитания народа.

Как писал русский ученый, знаток казахской жизни А.И. Левшин, Ясави был непрекаемым авторитетом, когда дело касалось религии; поездка в Туркестан считалась в народе богоугодным делом [4]. Образ Ясави часто встречается в казахском фольклоре; в традиционных стихах-благопожеланиях «бата» после Аллаха и Мухаммеда называется имя Ясави. Существует множество религиозных легенд, в которых народная фантазия красочно описывает сверхъестественные свойства («керемет») подвижника. Например, о том, как во время зикра (ритуала многочасового богопомятия) к нему присоединились 99 тысяч святых духов и т.д. А самым главным и интригующим моментом его сакральной биографии является то, что рождение и проповедни-

ческая деятельность Ходжи Ахмеда Ясави были будто бы предсказаны самим пророком Мухаммедом (об этом также говорится в «Хикметах»).

Любой посетивший южный Казахстан турист много раз услышит (в стихах или в прозе; на казахском, узбекском, русском языках) любимую народом легенду о том, что пророк Мухаммед, собрав своих сподвижников, вручил одному из них (позже получившему прозвище *Арыстан баб*) косточку финика — как некий тайный символ духовной мудрости и силы — и поручил передать ее Ахмеду из Туркестана, который родится спустя несколько веков и станет опорой исламской веры. Волею Аллаха жизнь сподвижника была чудесным образом продлена до назначенного срока свидания. Арыстан баб прибывает в Туркестан и находит там юного Ахмеда, которого учит всяким премудростям...

Согласно табу на произношение вслух имен особо почитаемых предков или святого человека, казахи в прошлом не называли настоящего имени Ахмеда Ясави, а выражались иносказательно: святой был известен по всей степи как *Азрет Султан* или *Аулие*. *Азрет Султан* происходит от арабо-исламского *Хазрат* (высший титул и обращение, применяемое к пророкам и духовенству). «Султаном», т.е. повелителем всех святых, называется Ясави в агиографической традиции. Что касается казахского слова «аулие» (которое и поныне — часто произносимое слово в тех краях, и потому должно быть разъяснено каждому путешественнику), то оно произошло от арабского «вали» (букв. «близкий к Богу»). Множественное число от слова «вали» — «аулия».

Мавзолей Ясави как главный объект поклонения. Итак, вокруг харизматической личности главного тюркского суфия — шейха Ахмеда Ясави возник культ, существующий и возрождающийся в наши дни. Разумеется, объектом почитания была прежде всего гробница святого (*мазар*). Если бы не было суфизма с его обоснованием зиарата как богоугодного дела, в нашей истории, конечно, не сложился бы этот интересный

культ. В прошлом у казахов было распространено поверье, что трехразовое посещение «Азрет Султана» приравнивается к одному паломничеству в Мекку (т.е. хаджу). Сегодня, в условиях широкого распространения в Казахстане книжной мусульманской культуры данное поверье имеет все меньше приверженцев (хотя в изречениях Мухаммеда есть двусмысленные трактовки термина «хадж» — например, когда он сказал, что для бедных и неимущих еженедельный поход в мечеть на коллективную пятничную молитву является их символическим «хаджем»).

Русские чиновники прошлых веков были очевидцами того, как «в г. Туркестан тянутся целые караваны казахов на арбах — в чалмах, с четками в руках и лежащими перед ними Кораном» [5]. Востоковед В. Гордлевский даже в 20-х гг. XX в. наблюдал здесь до 20 тысяч паломников [6]. Помимо самой гробницы Ясави стали считаться священными и множество других могил, жилых и культовых сооружений, так или иначе причастных к жизни и деятельности великой личности (могилы родителей, учителя, потомков, учеников). Постепенно город Туркестан был превращен в важнейший центр суфийского ислама, главная святыня и предмет гордости которого — мавзолей-ханака Ходжи Ахмеда Ясави, сооруженный по приказу великого Тамерлана в конце XIV столетия. *Ханака* — это суфийский центр, где помимо чтения Корана в память Ясави, вплоть до советского времени практиковались коллективные суфийские радения (зикр) братства Ясавийа.

Мавзолей Ахмеда Ясави является самым грандиозным и совершенным памятником мусульманской архитектуры во всей Центральной Азии (высота — 37,5 м). По иронии судьбы, не Бухара и Самарканд — главные центры исламской культуры этого региона, — а малоизвестный в древности провинциальный город Туркестан (ныне район в Южно-Казахстанской области Республики Казахстан) дал миру «султана святых», и этот великолепный

памятник — подлинный шедевр исламской архитектуры.

Над скромной гробницей святого лишь два века спустя воздвиг величественный мавзолей Эмир Тимур. Данную акцию следует понимать и как политический жест, и как вполне естественное выражение личной религиозной веры, ибо хорошо известно, что Тамерлан при всей его воинственности был в то же время набожным и суеверным. Памятник строили лучшие мастера, привезенные из Ирана: из Исфохана, Шираза, Тегриза во главе с Убайдуллою Садыром. Тимур не скупился на украшение сооружения в память того, кого искренне считал своим духовным учителем и заступником. Многие реликвии, и поныне вызывающие неиссякающий интерес у туристов и богомольцев, как, например, огромный бронзовый котел, непосредственно связаны с именем Тамерлана. Связь мавзолея Ахмеда Ясави с именем правителя Тимура бесспорна и очевидна. Данный факт, безусловно, служит предметом гордости для современных узбеков. Но отнюдь не является источником споров о том, чьих заслуг больше или меньше, а лишний раз подтверждает тесную взаимосвязанность тюрко-мусульманских этносов с многовековым опытом их мирного сосуществования. (Кстати, в Южном Казахстане и Туркестане, в частности, до сих пор проживает немало этнических узбеков.)

В позднем средневековье Туркестан с его главной святыней не раз переходил из рук одних династий к другим. Город контролировали узбекские ханы рода Шайбанидов, позже — казахские ханы. Уже с XVI в. Туркестан стал прочно ассоциироваться с казахской культурой и государственностью, хотя сохранял репутацию космополитического духовного центра для всех мусульман. При хане Еш-Мухаммеде (Есим хан) Туркестан стал столицей Казахского ханства. Именно в Туркестане, в мавзолее Ахмеда Ясави в 1771 г. происходила торжественная церемония возведения на престол Казахского государства самого великого хана

казахов — Аблай-хана (Абулмансура). Примечательно, что с XVI в. у казахов сложилась интересная традиция погребения прославленных людей рядом с Ясави — в мавзолее и вокруг него. Поэтому многие великие ханы, бии (ораторы-судьи), батыры казахской истории похоронены в этом комплексе.

Степень веры народа показывает то, что тела умерших почетных людей везли в Туркестан в течение месяца и более (если принять во внимание обширную территорию Казахстана), зашив их в кожаные футляры (возможно, также применяя какие-то неизвестные нам методы бальзамирования). Если это было лето (как рассказывается о бие Казыбеке), передвигались только ночью, а днем кожаный гроб держали на дне колодезь или горных рек. О похороненном в мавзолее кыргызском манапе и батыре Есенкуле рассказывается, что его тело везли из района Тянь-Шаня в течение полутора месяцев. О фанатизме казахов в отношении туркестанской святыни свидетельствовал ученый-теолог и фольклорист XIX в. Машхур-Жусуп Копеев, сообщая, что самых почетных *аргынов* (казахское племя в составе Среднего Жуза, Северный Казахстан) после смерти сразу везли в Туркестан и гнали вместе с процессией до 100 лошадей, предназначенных для жертвы.

Наличие могил политических вождей и деятелей культуры в кульгово-мемориальном комплексе Ахмеда Ясави придавало и поныне придает паломничеству в Туркестан духовно-идеологическую значимость. Если для религиозных людей это возможность поклониться мощам и «пообщаться» с духами не только Ясави, но и великих аруахов национальной истории (многие из которых также превращены в святых заступников), то для светских людей и иностранных туристов представляется уникальная возможность увидеть в Туркестане надгробия многих знаменитостей казахской истории, своеобразным образом прикоснуться к древней истории края.

Мавзолей в нынешнем состоянии от реставрирован специалистами из Турции

и внесен в список мировых исторических памятников ЮНЕСКО. В 2008 г. исполнилось 30 лет республиканскому музею А. Ясави (с 1989 г. переименован в музей-заповедник «Азрет Султан»). То есть мавзолей Ясави ныне представляет собой историко-культурный музей, который впредь будет выполнять и функцию научно-исследовательского центра (по словам директора А. Сафуллина на научной конференции в Туркестане в 2007 г., участником которой была автор этих строк). В рамках ЮНЕСКО пышно отмечалось 1500-летие Туркестана в 2000 г. Усилиями Казахстана и Турции он превратился из заброшенного захолустья советского времени в симпатичный город с асфальтированными дорогами, современными постройками, отелями и ресторанами. Вместе с тем, в городе сильны мусульманские традиции, в том числе уважение к старшим (например, им нельзя переходить дорогу), приветствуется скромная одежда, женщины чаще, чем в других частях Казахстана, носят платки и длинное платье; общественное мнение нетерпимо к алкоголю и т.д. Эту черту менталитета жителей необходимо учитывать приезжающим в Туркестан гостям и проявить к ней уважение.

В 1992 г. здесь был открыт международный Казахско-Турецкий университет им. А. Ясави. В Казахстане за годы независимости были переведены (со старотюркского) на казахский и русский языки полный сборник стихов А. Ясави «Диуан-и Хикмет» (или «Хикметы»). Роль личности Ахмеда Ясави в духовной истории казахов подчеркивал в своих трудах и выступлениях президент РК Н.А. Назарбаев. Сегодня в полной мере восстановлена традиция паломничества, а также легализована деятельность суфийских орденов. Вместе с тем в последние годы в СМИ Казахстана прошли дискуссии о возрождающемся суфизме (в частности, вокруг личности ставшего в определенных кругах популярным шейха Исмагуллы, казаха родом из Пакистана, называющего себя ясавийским учителем). Странники *салафитского* (ваххабитского) ислама и часть служителей мечетей резко критиковали крайности ясавийских обрядов,

в частности, *зикр*, говоря о вредности такого психотренинга, возможные опасные последствия для молодежи вовлечения в суфийские и неосуфийские общины, по их мнению, напоминающие секты.

Растущий по численности сегмент мусульманской общины Казахстана, который условно можно назвать «рационалистами» (*салафиты, сунниты-ханафиты, коранисты* и др.), до сих пор пользуется любым случаем для критики практики паломничества в Туркестан, веры в заступничество святых и т.д. При этом они выгодно используют компрометирующие суфизм факты «мазаромании» (от слова «мазар» — гробница) в среде современных целителей-экстрасенсов, в массах отсталого сельского населения; шарлатанства и обмана, царящего вокруг организации *зиарата*, народной медицины, продажи реликвий и пр. Однако они впадают в крайность, когда напрочь отрицают духовную пользу, а также познавательное значение паломничества и даже подвергают сомнению праведность и заслуги Ахмеда Ясави. Духовное управление мусульман Казахстана (ДУМКА) во главе с верховным муфтием А. Дербисали занимает в этом затянувшемся споре достаточно осторожную позицию, не отрицая заслуг А. Ясави и традицию зиарата, но призывая знать меру, не быть слишком суеверными, ибо это противоречит главным принципам просвещенного ислама.

При входе в комплекс (состоящий помимо центрального зала из 35 комнат, 8 коридоров) внимание посетителей мавзолея привлекают многие древние реликвии, среди которых первое место принадлежит священному котлу — *Тайказан*. Имеющий массу 2 тонны и вмещающий в себя до 3000 литров воды, огромный бронзовый казан (по одной версии отлитый из сплава 7 металлов) — яркое произведение центральноазиатской культуры. Вокруг казана арабской вязью выгравированы слова из 19 аята (стиха) 9 суры (главы) Священного Корана. *Нусба* (имя) мастера — Абдул Азиз из Тебриза. Да-

той приказа Тимура об отлитии этого казана для мавзолея назван 1399 год. В 1935 г. *Тайказан* был увезен на выставку в Ленинград и оставлен в Эрмитаже. Лишь в 1989 г. в результате переговоров с властями Российской Федерации он возвращен на родину и вновь торжественно установлен в центральном зале мавзолея.

Говоря о других объектах паломничества, стоит упомянуть подземную мечеть «*хылуэт*» (*Хилват*), что находится примерно в 100 метрах на юго-запад от самого мавзолея. По традиции, Ахмед Ясави в возрасте 63 лет, поминая Пророка, прожившего столько же лет, принял решение полностью отрешиться от мирской суеты, и потому оставшуюся часть жизни провел в этом подземном помещении, молясь Аллаху. Вместе с тем к нему могли приходиться для духовных бесед его ученики; совершались радения и пр. Первоначально, как полагают, эта подземная постройка состояла из 22 комнат и имела купол. На расстоянии одного километра от *Хылуэта* находится святыня «Кумчик ата». Это — маленький кирпичный дом, куда вела подземная дорога, и Ходжа Ахмед Ясави приходил сюда читать зикр. Эта подземная дорога высотой с человеческий рост сохранилась до настоящего времени.

В описании своего научного «паломничества» в Туркестан в 1884 г. русский востоковед, академик Н.И. Веселовский отмечал следующее: «Из мечети по указанию хранителей я перешел к осмотру дома Султана Ахмеда, лежащего сажень на 100 от ограды в городе. Жилище это ничем не отличается от других зданий Туркестана и с трудом верится, что дом из необожженной глины смог простоять так долго. Надо полагать только, что на этом месте был дом Азрета. В настоящем виде дом, вероятно, построен недавно. В нем никто не живет. Он состоит из нескольких комнат. В одной из них в стене ведет весьма низкий ход сажень три под землю, в маленькую квадратную нору, величиной 5 пядей и вышиною в рост человека. В углу этой норы есть ниша, пол которой покрыт камышовой циновкой. По словам хранителей, Султан на

60-м году жизни принял схиму и до конца жизни безвыходно скрывался здесь» [7].

Стоит отметить, что помимо «*Аулие Кумчик ата*» к духовным памятникам Южного Казахстана в виде подземных сооружений относятся *Шилл-и хан* (Туркестан), пещеры в среднем Сайраме и в горах *Казы-Гурт* [8]. Видимо, традиция уходить в подземный *хылвет* ведет свое происхождение с эпохи Ясави и его учеников. Отсюда она перекочевала в Западный Казахстан, который знаменит своими удивительными подземными некрополями и мечетями, привлекающими внимание туристов и практикующих суфиев.

Правила паломничества в мавзолей. Посещение мавзолея Арыстан-баба. Если говорить о правилах *зиарата*, то в давние времена они несколько отличались и включали в себя те элементы, которые сегодня по различным причинам утрачены. Тем не менее главные маршруты, основные правила и смысл совершаемых обрядов народная традиция сохранила. Само слово «*зиарат*» с арабского переводится как «поездка», «путешествие», но в языках тюркских народов оно употребляется только в отношении паломничества к местным святыням с религиозной целью (паломничество в Мекку и Медину называется «*хадж*»). Также в ходу словосочетания «*тау ету*», «*тауап ету*» (от араб. «*тауаф*» — обычай поклонения, что выражается чаще всего в кружении вокруг почитаемого объекта, касания ладонями, лбом, лобызании. В ортодоксальном исламе оно допустимо лишь в отношении Священной Каабы в Мекке).

Роль гида в древности играл так называемый «*шыракчы*» — хранитель данной святыни, живущий рядом с мазаром знаток местных преданий, мулла, ишан; чаще всего генетический или духовный потомок святого. Паломники во всем следовали советам и указаниям *шыракчы*, в конце одаривая его по мере своих возможностей. Задолго до путешествия нужно было сделать «*ниет*» (сказать Богу о своем «намерении», дать обет принести в жертву столько-то баранов и пр. Важно было настроиться на пользу *зиарата*).

Что касается цели путешествия, то чаще всего она была связана (да и ныне) с желанием получить благословение и чудодейственную помощь в преодолении жизненных невзгод, трудноизлечимых болезней, получения долгожданного потомства.

Считалось, что в могилах святых присутствует «береке» (от араб. «барак» — благодать), т.е. некая духовная энергия, исходящая от мошей. Вместе с тем глубоко религиозные люди, суфии и целители отправлялись в Туркестан с целью получить религиозное вдохновение, ответы на сокровенные вопросы, касающиеся их собственной духовной и целительной практики. Ханы и султаны, батыры и бии древности выражали через такую поездку свое почтение и также желали заручиться поддержкой святых духов в ратных боях или другом благородном поприще.

Зиярат в традиционном понимании обязательно предполагал ночевку, т.е. нужно было переночевать возле мазара (гробницы) святого. Именно ночью, во сне, должны были явиться «откровения» и произойти исцеление. Суфийская традиция учила, что во всем нужно молиться только Аллаху и просить Всевышнего исполнить просьбу жаждущего чуда паломника «в честь памяти его любимого слуги». Исполнение желания интерпретировалось так, что дух покойного попросил Аллаха (каз. «қолдады», «желеп-жебеді». Букв. «поддержали», «оказали помощь»). И все же в практике паломничества часто наблюдался отход от монотеизма (даже в суфийском понимании), и массы людей, особенно женщины, хотя и произносили устами слово «Аллах», но надеялись на конкретного «аруаха».

В паломничестве к мусульманским святыням Южного Казахстана издавна и до настоящего времени существует главное его правило — **предварительное поклонение гробнице учителя А. Ясави — Арыстан-бабу, и только потом приезд в г. Туркестан**. Мавзолей Арыстан-баба находится в Шаульдерском районе Южно-Казахстанской области (район древнего Отрара). Это — в 60 километрах

от города Туркестана. По легенде, когда Тимур отдал приказ о строительстве мавзолея, и мастера приступили к нему, каждую ночь возведенные стены рушились. Наконец пришло откровение: «Сначала построй мавзолей моему учителю (*пир*)!» Отсюда возник обычай начинать паломничество с посещения мавзолея Арыстан-баба. В народе говорили: «Переночуй у Арыстан-баба и проси у Кожа Ахмеда». Это правило набожными паломниками соблюдается и поныне. Отреставрированный мавзолей Арыстан-баба сегодня включен в систему историко-культурного заповедника. Если в 1990-х гг. и ранее паломники были вынуждены просить ночлега у местных жителей (разумеется, давая им в качестве «садака», т.е. пожертвований, деньги, подарки в виде тканей, а также оставляя им большую часть мяса жертвенного животного), то ныне для паломников и туристов здесь построен современный гостиничный комплекс (из личных наблюдений автора, посетившего святыню «Арыстан-баб» в 1999 г. и в 2007 г. — в рамках республиканской научной конференции «Ходжа Ахмед Ясави и его наследие», организованной музеем «Азрет Султан»).

Если говорить о личности Арыстан-баба, то в традиционной версии он является сподвижником Пророка (чаще идентифицируют с персом Салманом аль Фарси). Выше мы упомянули знаменитую легенду о финике, переданном пророком Мухаммедом через Арыстан-баба. Ее обязательно расскажет очередной группе туристов местный гид (интересно, что возле некоторых святынь этого края можно видеть включенный магнитофон, который беспрестанно повторяет на казахском языке рассказ о жизни и чудесах покоящегося здесь святого. Например, это наблюдалось на могиле *Укаша-ата*). Итак, Арыстан-бабу Аллах в целях успешного исполнения миссии даровал долголетие. «*Арстан*» или «*арслан*» на тюркском означает «лев». Свое прозвище святой получил потому, что долго скитаясь по земле и обретая сверхъестественные свойства, он якобы

подружился с львами, ездил на них верхом (невольнo напрашивается параллель с русским старцем Сергием Радонежским, тоже «дружившим» с медведями и дикими зверями). «Баб» — с арабского переводится «врата», т.е. врата божественного откровения. Это — титул суфийских святых в регионе. Есть казахская поговорка: «*Отырарда отыз баб, Сайрамдагы сансыз баб*» (перевод: «В Отыраре 30 „бабов“, в Сайраме — их бесчисленное множество»). Арыстан-баб считается главной фигурой в иерархии святых-бабов Центральной Азии.

Сегодня востоковеды Казахстана указывают на возможность реальной (пусть и опосредственной) связи А. Ясави с учением сподвижников Пророка на основании сведения одного арабоязычного письменного источника о святом старце-долгожителе, видевшем Пророка и жившем в Барабе (Фараб, Южный Казахстан) [9]. Во время своей первой поездки в мавзолей Арыстан-баба автор этих строк беседовала с супругой *шыракчы* (сам *шыракчи* по имени Мамасадык Нарымбетов умер в 1998 г.), набожной, но живой и разговорчивой женщиной. По словам женщины, ее супруг М. Нарымбетов был восемнадцатым потомком святого Арыстан-баба. Вообще, в здешних краях можно увидеть и услышать множество «потомков» святых; особенно любят жители подчеркивать свое (реальное или мнимое) происхождение от *ходжей*. Это дает основание для дарования благословения (каз. «*бата*»), а в ответ, как известно, принято давать деньги или подарки.

Днем и вечером нужно пойти в сам мавзолей, читать там намаз, посвящать духу святого Коран. Внутри мавзолея рядом с Арыстан-бабом похоронены два близких к нему святых. Их имена (прозвища) — *Лачин-баб*, *Карга-баб*. Паломники обязательно закалывают в честь Аллаха («*курбан*» — жертва) привезенных баранов. Жертвенное животное по народной (суфийской) традиции одновременно посвящают и духу святого (произносят «*тие берсин*»). Смысл: «Пусть достигнет (жертва) их тоже». Большая часть мяса остается в доме у *шыракчы* или раздается жителям этой местности. Ве-

чером паломники готовят *бешбармак* из мяса жертвенного животного, накрывают дастархан, читают Коран. Мы получили возможность услышать много рассказов и преданий о местных святынях. Также супруга *шыракчы* рассказала нам о своей личной судьбе и тяжелых испытаниях, выпавших на долю их семьи в годы атеистической пропаганды. Наконец, паломники, приняв омовение и прочитав намаз, ложатся спать, надеясь увидеть вещий сон или видение...

Посещение мавзолея — ханаки Ясави. Приехав с Арыстан-баба в Туркестан, богомольцам нужно было войти в мавзолей А. Ясави с центральной двери, перешагнув порог с правой ноги со словом «*бисмилля*» («с именем Аллаха»). Кроме того, мы узнали из поездки в те края правило мусульманской религии — обязательно приветствовать (негромко) души умерших людей при входе в любое кладбище традиционным приветствием «*Ассаламу алейкум!*». Также предполагалось, что все верующие приняли ритуальное омовение (хотя бы «малое», а лучше — «*гусуль тахарат*» — т.е. полное омовение с погружением всего тела в воду или принятие душа). Женщины должны были входить с покрытой головой. Соблюдались и другие общепринятые требования религиозного этикета: вперед пропускали мужчин, нельзя было громко разговаривать, спорить и пр.

Интересно сообщение о том, что в давние времена при входе в святыню люди кидали камни в фигуры, символизирующие шайтана [10]. (Хорошо известно, что символическое побивание шайтанов — важная часть хаджа в Мекку.) Первая комната (зал), которая встречала паломников, была «*Казандык*», где располагался *Тайказан*. Прямо в котел люди бросали свои пожертвования — золотые монеты, а то и целые бараньи туши, принесенные в жертву Аллаху. (Сейчас рядом с котлом поставлен ящик для пожертвований.) Совершался обряд обхода *Тайказана*, сопровождаемый прикосновениями к нему ладоней, лба и губ. Затем паломники передвигались в комнату, где покоится сам великий святой, но

не переходили установленный занавес. За занавесом — резная деревянная дверь. Взоры людей обращены к древнему знамени высотой 10—12 метров с бронзовым наконечником и конским хвостом. Считается, что оно принадлежало самому Тамерлану и было подарено им хранителям мавзолея.

Само надгробие святого (*сагана* или *культас*), на которое смотрят через решетчатую дверь, сделано из драгоценного камня — яшмы, привезенной из Тебриза. Высота надгробия 2 метра, длина — 2, 5 м. Никаких надписей на нем нет. Сверху *сагана* покрыта ковром и дорогами тканями. Рядом стояли светильники, также — дары Тамерлана. Возжечь их считалось большой честью и священнодействием. Но в более поздние времена большая часть уникальных светильников были вывезены за пределы Казахстана. Стоя в этой главной комнате, *шыракчы* в древности раздавал посетителям горсточку священной земли, которую заворачивали в кусок белой ткани и забирали с собой в качестве талисманов или лекарства. Земле с гробницы Ясави приписывались чудодейственные свойства. Однако этот элемент паломничества давно уже невозможен и не исполняется.

Посетители обходят другие комнаты мавзолейного комплекса. В комнате, до сих пор называемой «*Китапхана*» (библиотека), почти до 1950 г. хранились кое-какие книги, но большинство богатого фонда было расхищено в смутные времена (особенно советского атеизма). Здесь паломники по желанию лобызают старый экземпляр Корана и книгу «*Диуан-и Хикмет*» Ясави. Самым светлым и богато украшенным помещением является «*Мечеть*». Настоящим произведением искусства нужно назвать «*михраб*» мечети — углубление, указывающее направление в Мекку. На нем отчетливо читаются стихи Корана (имеющий особую силу против злых духов стих «*Аятул Курси*»). Пол здесь покрыт войлоком и сверху красивыми коврами. Желавшие паломники читают в мечети намаз (добровольный или так называемый «приветственный» намаз из 2 *ракатов*, т.е. циклов). В про-

шлых веках в этой комнате-мечети дервиши-Ясависты помимо пятидневного намаза по четвергам вечером собирались на радения и читали свои *зикры*. Свое яркое впечатление от *зикра* в начале XX в. описал русской востоковед А. Гордлевский. (В наши дни, как мы узнали из расспросов, традиционный Ясавийский ритул — *зикр* — можно наблюдать в одной из новых городских мечетей Туркестана, где собираются с четверга на пятницу на ритуальные радения современные суфии, или суфийствующая молодежь.)

Как уже упоминалось, внутри мавзолейного комплекса и вокруг него находятся могилы многих знаменитых людей казахской истории. Не все из них сохранились до наших дней, но определенно известны (по надписям) захоронения таких личностей, как всеказахский хан Аблай, хан Старшего жуза Жолбарыс. Вблизи мавзолея похоронен другой великий казахский правитель — Есим хан (Ешмухаммед). В комнате «*Большой Ак Сарай*» покоится великий би-оратор Среднего Жуза Казыбек би. То есть не только аристократия, т.е. ханы-чингизиды, но и представители «черной кости», родовые вожди удостаивались чести быть похороненными в Туркестане. Можно прочесть имена биев, батыров и *датха* (высокий чин, которым жаловали казахов — подданных Кокандского ханства). Это — Шакшакулы Жанибек, Тилеуке, Жарылгап Тлеукеулы, Шон Едиге улы и др. Интересен надгробный камень с надписями 99 имен Аллаха, называемый в народе «*Айна тас*» или «*Аулие тас*» (т.е. священный камень). По одной версии, это надгробие сына хана «кочевых узбеков» Абулхаира — Суюниш-хана. Но по другой версии, Суюниш хан похоронен рядом с матерью — Рабия Султан бегим.

Посвящая всем великим *аруахам* Коран (сами читая его или прося об этом *шыракчы*), паломники далее идут к Колодцу. Особенность мавзолея Ахмеда Ясави (его поэтому сравнивают с мечетью *Айя София* в Стамбуле) — это наличие внутри него древнего колодца глубиной 10 метров, стены которого сделаны из обожженного кирпичи-

ча. Воду из колодца брали в прошлом в качестве святой воды.

Таким образом, обойдя все комнаты, паломники возвращаются в центральный зал, к *Тайказану*. Здесь они снова зывают к Аллаху, поминают всех аруахов и прежде всего «Азрет Султана», тайно обращаясь к его заступничеству. В старые времена из мавзолея, по традиции (как и любого святого места, в том числе мечети), нужно было выходить, пятясь назад, дабы не оскорбить духов, повернувшись к ним спиной. Наиболее ревностные почитатели святого делают по направлению часовой стрелки ритуальный обход вокруг самого мавзолея (*мауан*). Это действительно напоминает хорошо известное кружение паломников вокруг Каабы в Мекке. При этом паломники прикасаются ладонями и лбами к стенам мавзолея, целуют их, в эту минуту загадывая свои заветные желания. Больные люди, женщины часто плачут и неустанно молятся. В наши дни разрешается сфотографироваться возле мавзолея, а также возле *Тайказана*.

Другие объекты паломничества и достопримечательности. Самое большое и привлекательное сооружение примерно в 50 метрах от мавзолея — это гробница великой женщины — супруги хана Абулхайра (государство «кочевых узбеков», XVI в.), которая приходилась дочерью знаменитому Улугбеку и внучкой Тамерлану. Имя ее — *Рабия Султан бегим*. Памятник также с благоговением осматривается путниками, завершающими основную цикл паломничества.

Хотя заветное для многих путешествие к «*Азрет Султану*» на этом завершается, но для тех, кто хотел бы сделать свое путешествие еще более полным и впечатляющим, а также впитать в себя побольше «духовной энергии», есть возможность посетить ряд других излюбленных мусульманами Центральной Азии святынь Южного Казахстана, как, например, могилы родителей Ахмеда Ясави (*Ибрагим Ата* и *Карачач ана*), дочери Ясави — *Гаухар ана*. Почитаются в регионе мавзолей *Хорасан ата* (настоящее имя — *Абдужалил-баб*) в Кызыл-Ординской области и его брата *Исхак-баб*

(или *Баб ата* — в местности Созак ЮКО), которые приходились предками А. Ясави.

Популярной святыней является могила *Укаша ата (Хакаша)*. Здесь есть «волшебный» колодец, который реагирует как детектор лжи: каждый бросает туда ведро и по чистоте своей души (или богоугодности) он «дает» одним полное ведро воды, а другие, сколько бы (до 3 раз) ни бросали ведро, порой не могут и горсть набрать и даже поднимают пустое ведро с камушками. Верующие паломники по-настоящему переживают за это испытание, стыдясь наблюдающих людей. В случае неудачи они молятся за свои грехи, если же получают хотя бы треть ведра воды, радуются и благодарят Аллаха за благосклонность... Святой *Укаша* считается сподвижником пророка Мухаммеда. По рассказам местных знатоков преданий, *Укаша* погиб в одном из сражений (будто бы с калмыками) и является *шахидом* (мучеником веры). Хотя он был одним из счастливых, удостоенных видения «печати пророка» на лбу у Мухаммеда, но решил не самоуспокаиваться и отправился в дальние края, в Центральную Азию, чтобы проповедовать ислам. Стоит сказать, что, по одним сведениям, на территории Казахстана зафиксировано 19 могил, принадлежащих (по традиции) сподвижникам Мухаммеда и даже самим халифам. Как и в Узбекистане, вымышленные могилы халифа Али (а также следы копыта его коня *Дюль дюль*), его сына *Мухаммеда б. ал Ханафии* (ум. в 700 г.) могут показать вам и в Южном Казахстане (например, в окрестностях г. Созака). Существуют народные легенды о пребывании в этих краях *Садвокаса* (арабский полководец *Саад Аби б. Ваккас*, VII в.). Есть в Южном Казахстане еще более диковинная святыня — место, куда якобы причалил в седой древности Ноев Ковчег (в исламе — корабль пророка Нуха). Это гора называется *Казы Гурт*.

Не иссякает поток богомольцев к могиле великой женщины *Домалак Ана* (настоящее имя *Нуриля*) — внучке знаменитого средневекового суфийского шейха Махдума Агзама и супруге прародителя казахов Старшего жуза Байдибек ата. Покровительницей

женщин и влюбленных считаются святой *Айша-биби* (по легенде принцесса, умершая от укуса змеи по дороге к своему возлюбленному, союз с которым не был благословлен ее отцом-ханом) и ее няня *Бабаджа хатун*, чьи прекрасные мавзолеи, датируемые XI в., находятся вблизи города Тараза.

Сегодня из Южного Казахстана люди увозят в качестве «теберика» (памятной вещи) такие предметы религиозной символики, как четки, различные талисманы и сувениры, изображения «печати рода Ясави», книги Корана, национальные тубетейки, чапаны, платки... Хотя в критике сторонниками рационализованного ислама народных суеверий, веры в чудо и магию, походов по мазарам, несомненно есть

доля истины, все же трудно представить религиозную и культурную традицию без этой важной ее составляющей. Паломничество к святыням позволяет прикоснуться к живой памяти и по-детски наивной вере нашего народа, понять таящиеся в его душе сокровенные мечты и желания. Без этих путешествий жизнь и сама религия была бы скучной, сухой и выхоленной. Кроме того, по сравнению с шоп-турами и другими поездками с меркантильными целями, религиозный туризм с целью посещения священных городов и местностей, овеянных памятью великих святых и предков-героев, бесспорно, является благородной акцией и служит источником для творческого вдохновения.

Литература

1. Бартольд В.В. Двенадцать по истории турецких народов Средней Азии // Соч. Т. 5. М., 1967. С. 46.
2. Пылев А.И. Ходжа Ахмед Ясави: суфийский поэт, его эпоха и творчество. Алматы, 1997. С. 32.
3. Массон М.Е. Мавзолей Ходжа Ахмеда Ясави. Ташкент, 1930. С.3.
4. Левшин А.И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы, 1996. С. 315.
5. Мустафина Р.М. Бытовой ислам у казахов (XIX—XX вв.): Историко-этнографическое исследование. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Алматы, 2006. С. 33.
6. Гордлевский В.А. Ходжа Ахмед Ясави // Избранные сочинения. Т. 3. М., 1962. С. 368.
7. Кожа М., Елгин Ю. Туркестан и Отрар в неопубликованной рукописи Н.И. Веселовского о древних городах Сырдарьи / Новые исследования по археологии Казахстана. Алматы, 2004. С. 237—241.
8. Хашимов М. Религиозные и духовные памятники Центральной Азии. Алматы, 2001. С. 164.
9. История Казахстана в арабских источниках. Т. 3. Алматы, 2006. С. 24.
10. Әмзе Қалмырзаұлы. Теберік дүние әулиелер: жайлы әңгіме. Шымкент, 1997. (на каз.яз.). С. 16.